

Г. Ф. БЛАГОВА

**О ТИПАХ И СТРУКТУРНЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ
ПАДЕЖНОГО СКЛОНЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ**

1. Исследователи падежного склонения в тюркских языках исходят из сформулированного Н. К. Дмитриевым положения о его едином характере: «В противоположность языкам других групп, тюркские языки имеют единый тип склонения. Иначе говоря, в тюркских языках нет первого, второго, третьего и т. д., как в русском языке, или слабого, сильного и смешанного склонения, как в немецком языке, а есть один тип склонения, применяющийся во всех случаях. При этом нужно заметить, что склонение множественного числа морфологически не отличается от склонения единственного числа, т. е. производится при помощи тех же самых падежных аффиксов. Таким образом, если в других языках формы склонения имеют морфологические варианты, то в тюркских языках формы склонения могут иметь только фонетические варианты, но отнюдь не морфологические»¹. Тезис о морфологической единообразности тюркского склонения, бесспорный в плане сопоставительно-типологическом, впоследствии претерпел чрезмерную абсолютизацию, заслонив для некоторых тюркологов имеющиеся в ряде тюркских языков отклонения от принимаемого единства²; связанное с этим тезисом воззрение, признающее существование в тюркских языках только фонетических вариантов падежных показателей, но отнюдь не морфологических, стало восприниматься как аксиома.

Между тем Н. К. Дмитриев, опережая возможности тюркологии своего времени, предвосхитил классификационный аспект изучения тюркского склонения. В его работах имеются высказывания о типах тюркского склонения, казалось бы, не совсем согласующиеся с тезой о морфологически едином его типе — прежде всего, по причине неадекватного употребления слова «тип». В самом деле, ученый выделяет «северный тип тюркского склонения» (все падежные аффиксы «начинаются на согласный») и его «южный тип» («аффиксы род., дат. и вин. падежей начинаются на гласный, остальные — на согласный») (ГКЯ, стр. 55; ГБЯ, стр. 64); южный тип, по Н. К. Дмитриеву, представляют туркменский, азербайджанский, турецкий и гагаузский, «северный» — все остальные тюркские языки³. Выделение двух межъязыковых типов склонения, как и признание того, что в некоторых языках «...эти типы не существуют в чистом виде, а свое-

¹ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948 (далее — ГБЯ), стр. 61; см.: его же, Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1940 (ГКЯ), стр. 66.

² Характерно во всяком случае, что, например, «Особенности склонения слов с аффиксами принадлежности» в «Грамматике башкирского языка» Н. К. Дмитриева выделены в самостоятельный раздел (стр. 64—65).

³ ГКЯ, стр. 65. В принципе подобного же деления на два типа склонения придерживается Э. В. Севортян, подчеркивающий, что «... падежные показатели... состоят из двух параллельных форм, одна из которых является типичной для так называемой огузской группы тюркских языков, другая — для кыпчакской и других групп» [Э. В. Севортян, Категория падежа, «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» (далее — ИСТЯ), ч. 2 — Морфология, М., 1956, стр. 46].

образно контаминируют...» (ГБЯ, стр. 64), заставляет стремиться к уточнению тезы о едином типе тюркского склонения.

При межъязыковом, классификационном подходе во главу угла также ставится фонетическая природа вариантов падежных показателей: «Наличием или отсутствием κ || κ и ρ || ρ отличаются между собой дательные падежи „северно-тюркского“ и „южно-тюркского“ типа склонения»⁴. Подчеркнем, однако, что здесь речь идет не о синхронных фонетических изменениях в вариантах падежных аффиксов конкретного языка: фонетичность указанных признаков понимается в плане исторической фонетики и межъязыковых соответствий и переходов.

Типы склонения в классификационном их понимании Н. К. Дмитриев проецировал на внутриязыковой аспект проблемы. Так, последовательно выделяя в описываемых им кумыкском и башкирском языках «особенности склонения слов с аффиксами принадлежности», исследователь пристальное внимание уделял наблюдающемуся в указанных грамматических условиях «компромиссу», «контаминации» «южного» и «северного» типов склонения⁵.

Признание того, что в некоторых из «северных» языков существует смешанный «тип» склонения, компромиссный между «северным» и «южным» типами, как и утверждение об обычности контаминации этих типов во многих тюркских языках, естественно, вносило известную неясность в вопрос о морфологическом едином типе тюркского склонения и о статусе классификационных признаков — вариантов падежных показателей. Когда ученый пишет, например: «В дательном падеже слов с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица ед. числа мы имеем аффикс $-\frac{a}{\rho}$ вместо ожидаемого теоретически $-\frac{fa}{\rho a}$ (т. е. южный вариант аффикса вм. северного)...» (ГБЯ, стр. 64—65; см. ГКЯ, стр. 65), трудно согласиться с тем, что речь идет всего лишь о «фонетических вариантах». Во-первых, варианты $-fa$ и $-a$ являются классификационными, дифференциальными признаками двух типов склонения в различных тюркских языках. Во-вторых, внутри одного языка (в цитируемом случае — башкирского) каждый из этих вариантов также выступает в качестве дифференциальных признаков, характеризующих, с одной стороны, склонение имен, не имеющих при себе аффиксов принадлежности, а с другой — «склонение слов с аффиксами принадлежности». Тем самым в неявной форме признается, что в тюркских языках категория падежа перекрещивается с категорией принадлежности. Значит, использование этих вариантов регулируется здесь грамматическими, а не фонетическими условиями, и уже на этом основании не может быть признано чисто фонетическим, хотя изначальная фонетическая основа этих вариантов очевидна⁶.

⁴ Н. К. Дмитриев, Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках, ИСГТЯ, ч. 1 — Фонетика, М., 1955, стр. 287.

⁵ ГБЯ, стр. 64; см. ГКЯ, стр. 65, 66. Несколько раньше то же явление смешения двух падежных парадигм в склонении имен, снабженных показателями принадлежности 3-го лица, в иных словах отмечал В. А. Богородицкий в работе «Имя существительное: склонение (простое и притяжательное) и сравнительный очерк падежных окончаний татарского языка» [в его кн.: «Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками», 2-е изд., Казань, 1953 (ВТЯ), стр. 149].

⁶ В этом плане особняком стоит пара вариантов род. падежа $-иң$ — $-ниң$ (и, по видимому, вин. падежа $-и$ — $-ни$); по поводу которой В. А. Богородицкий, возражая Ж. Дени, видевшему в $и$, начинающем показатель род. падежа, вставной сонорный, писал: «Вставка или, точнее, зарождение согласного определяется физиологическими условиями...; здесь же решительно нет повода для развития $и$ между гласными...» (В. А. Богородицкий, Эволюция окончаний родит. падежа в тюркских диалектах, «Вестник Научного общества татароведения», 1925, 3, стр. 13, примеч. 2).

В данном случае, вслед за известными фонетистами, целесообразно говорить о «морфологической обусловленности выбора чередующихся звуковых изменений»⁷, или, иными словами, о морфологическом использовании фонетических вариантов⁸. Важно учитывать при этом, что подобное использование в ряде тюркских языков имеет место регулярно, воздействуя на падежную парадигму в целом или в ее частях, и что в свою очередь его активно поддерживают другие формы в парадигме⁹, с которыми оно сопряжено причинно-следственными связями. Таким образом, фонетические варианты падежных показателей, в той или иной мере активизирующиеся в парадигме в соответствии с неодинаковым по языкам действием грамматических условий, перестают быть чисто фонетическими. Принимая во внимание то, что эти прежние чисто фонетические варианты стали равноправными членами падежной парадигмы, и учитывая их морфологическую значимость, свойственную им дифференцирующую, дистинктивную роль в этой парадигме, их можно считать морфологическими вариантами. Подчеркнем, что в тюркском склонении для падежных показателей отношение «фонетический вариант — морфологический вариант» имеет явно переменный характер: в языках, где фактор грамматической обусловленности в падежной парадигме перекрывается фонетической регулярностью, тот же формант предстает как фонетический вариант (например, аффикс дат.-напр. падежа *-а* в «южном» типе склонения), а в языках, где этот фактор действует вразрез с фонетикой, тот же формант воспринимается как морфологический вариант (например, в «северном» типе склонения тот же аффикс *-а*, закрепившийся, в противоположность *-га*, за частью посессивной парадигмы, бесспорно, является морфологическим вариантом) (см. об этом ниже). Таким образом, вопрос о том, в каком случае варианты падежных показателей являются фонетическими и в каком их следует считать морфологическими, должен решаться каждый раз конкретно, исходя из реальных соотношений внутри системы падежного склонения данного тюркского языка и особенностей его морфонологии.

Некоторая терминологическая неясность, как и неокончателность взглядов на характер тюркского склонения одного из авторитетнейших языковедов-тюркологов нашего времени, учителя многих современных тюркологов среднего поколения, не могла не сказаться на известной нечеткости исходных понятий в этом отделе тюркского языкознания. В настоящее время существует по крайней мере два неявно выраженных течения в понимании тюркского склонения и прежде всего — его «северно-тюркского типа».

Представителями одного из этих течений канонизирован тезис о морфологически едином типе тюркского склонения. Подобное воззрение естественно для исследователей тюркских языков южной (огузской) группы, где выбор того или иного варианта падежных показателей регулируется в основном фонетическими условиями, а также узбекского и новобуйгурского языков. Однако довольно часто делаются попытки распространить это воззрение и на северные тюркские (кыпчакские) языки. Так, даже в таких типичных «севернотюркских» языках, как, например, кумыкский или татарский, усматривают «единую систему склонения» или «один тип склонения»¹⁰. При этом оставляются без внимания прямые указания

⁷ С. Э. Базелл, Маргинальные звуковые законы, ВЯ, 1974, 4, стр. 86.

⁸ Ср.: В. В. Решетов, Об одном узбекском падеже, «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951, стр. 182.

⁹ Ср.: С. Э. Базелл, указ. соч., стр. 85.

¹⁰ См., например: «Языки народов СССР», II, М., 1966 (далее — ЯН СССР, II), стр. 199, 143. Заметим вообще, что издание «Языки народов СССР. II. — Тюркские языки», которое составлено «по одной общей схеме, но с некоторыми отклонениями,

Н. К. Дмитриева на «компромисс» между «северным» и «южным» типами склонения в том же кумыкском языке, а также на традиционное выделение «простого» и «притяжательного» склонения в татарском. Вопреки этим указаниям и традициям (более того: даже не ссылаясь на эти распространенные воззрения), отдельные, например — татарские, языковеды стремятся нивелировать различия между «простым», «притяжательным» и местоименным склонением; при этом они не только не дают какого-либо истолкования отличительных признаков каждой из названных разновидностей склонения, но даже и не перечисляют их. Так, к примеру в монографии, где впервые, как это подчеркнуто в приложенной к ней аннотации, на русском языке систематически излагаются вопросы морфологии татарского языка, о специфике «притяжательного склонения» никак не упоминается и таковое вовсе не выделяется¹¹. К тому же составитель разделов «Имя существительное» и «Местоимение» К. С. Сабиров уверяет, что в татарском «личные местоимения склоняются так же, как и имена существительные»¹². Раздел склонения практически сведен к «Склонению имен» (составитель Г. И. Донидзе) в проекте «Вопросника „Диалектологического атласа тюркских языков СССР“» (М., 1969, стр. 27—28).

Представители другого из названных течений, начиная с В. В. Радлова (например, В. А. Богородицкий, Е. Д. Поливанов, И. А. Батманов, Н. А. Баскаков, Е. И. Убрятова, К. М. Мусаев¹³), исходят из последовательного различения грамматических условий использования «южных» и «северных» вариантов падежных показателей в тех тюркских языках, которые отнесены к «северному» типу, и совершенно четко разграничивают, с одной стороны, «склонение имен без притяжательных аффиксов» (или: «простое склонение», «непритяжательное склонение», «безличное склонение»), а с другой — «склонение слов с аффиксами принадлежности» («склонение имен с притяжательными аффиксами», «притяжательное склонение», «лично-притяжательное склонение») и, кроме того, склонение личных местоимений.

Четко выделяя характерные признаки каждой из названных разновидностей склонения и п изваяя, по сути дела, грамматические условия

вызванными индивидуальными особенностями понимания структуры тюркских языков» (там же, стр. 5), характеризуется разнообразием индивидуальных подходов к вопросу о падежном склонении и его типе (типах, или, по нашей терминологии, разновидностях).

¹¹ «Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология», М., 1969, стр. 140, 141, 142. На стр. 140 перечисляются фонетические варианты падежных показателей именного склонения, а на стр. 141 и 142 эти варианты даются уже и в сопровождении показателей посессивно-именной парадигмы склонения соответственно для дат.-напр. падежа — «га | -га, -ка | -ка, -на | -на, -а | -а» и для вин. п. — «не | -н», причем их введение не объясняется. В отношении местн. и исх. падежей посессивно-именной парадигмы ничего не говорится об обязательном появлении -н- при словах с показателем принадлежности 3-го лица (там же, стр. 142—143). Подобное описание без вычленения дистриктивных признаков татарского склонения тем более вызывает удивление, что для татарского языковедения традиционным является полярно противоположное воззрение (см.: ВТЯ, стр. 148 и сл.).

¹² «Современный татарский литературный язык», стр. 197.

¹³ См., например: ВТЯ; Е. Д. Поливанов, *Говор кишлака Кыят-Кюнграт Шаватского района, «Сборник научных трудов [УзНИИКС], 1, 2, Ташкент, 1934, стр. 8 и сл.; И. А. Батманов, Грамматика киргизского языка. II — Имена, Фрунзе, 1940, стр. 2; е го же, Принципы построения описательной грамматики киргизского языка, «Труды ИЯЛ [АН КиргССР], VI, Фрунзе, 1956, стр. 74; Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, II, М.—Л., 1952; Н. А. Баскаков, А. И. Инкиджиков-а-Грекул, Хакасский язык, в кн.: «Хакасско-русский словарь», М., 1953, стр. 441; Н. А. Баскаков, Очерки грамматики ногайского языка, в кн.: «Ногайско-русский словарь», М., 1963, стр. 539 и сл.; К. М. Мусаев, Грамматика караимского языка, М., 1964, стр. 141, 143, 145; ЯН СССР, II, стр. 286, 305, 323, 324, 409, 510.*

основным фактором при выборе определенного варианта падежного показателя, ученые, придерживающиеся этих взглядов, должны были бы считать соответствующие варианты падежных показателей морфологическими. На деле, однако, кажется, только А. М. Щербак явным образом признает морфологическую природу этих вариантов¹⁴. Чаще же исследователи, своими работами примыкающие к названному течению, либо избегают называть подобные варианты как морфологическими, так и фонетическими, либо, продолжая признавать наличие двух или трех разновидностей склонения в изучаемом языке, все же говорят о «фонетически редуцированных формантах» род., вин.¹⁵ и дат.-напр. падежей (хотя и перечисляют их в составе «характерных грамматических черт... в грамматическом строе» той или иной группы тюркских языков¹⁶). С этой точки зрения показатели названных падежей трактуются как возникшие в результате фонетически ничем не обусловленного устранения одного из элементов (и притом — без компенсации), реже — напротив, в результате подобного же наращения такого элемента¹⁷. Постулируемая произвольность таких фонетических изменений особенно очевидна в следующем высказывании: личные и указательные местоимения «изменяются по падежам с помощью тех же самых, но фонетически несколько измененных аффиксов, в сочетании с которыми фонетически изменяется и сама основа местоимений» (ЯН СССР, II, стр. 287), т. е. произвольные (по-видимому, не обусловленные основой!) фонетические изменения аффиксов сами вызывают изменения основы — таким образом круг рассуждения замкнулся.

Стремление квалифицировать отличительные признаки каждой из разновидностей «севернотюркского» склонения как явления чисто фонетического плана без указания на их морфологическую значимость весьма распространено в современном тюркском языкознании¹⁸.

Именно поэтому призыв рассматривать соответствие типа *инэма*: *инэмга* в качестве морфологического, а не фонетического (поскольку оно «имеет регулярное проявление в парадигме притяжательного склонения, независимо от фонетических условий», разрядка наша. — Г. Б.)¹⁹ еще и в наши дни выглядит отнюдь не тривиально.

¹⁴ См., например: А. М. Щербак, Грамматика староузбекского языка, М.—Л., 1962, стр. 106. См. также: Г. Ф. Благова, К истории развития местоименного и именного падежных склонений в тюркских языках, «Советская тюркология», 1974, 2.

¹⁵ При таких фонетических трактовках делаются, однако, весьма существенные и показательные оговорки, свидетельствующие о грамматической обусловленности таких вариантов: «Но если *м* или *нэ* в конце слова не является аффиксом притяжательного местоимения, то *ны*, *ни*, *ну*, *но* — окончание род. падежа — не ассимилируется. Например: *адам* „человек“, род. п. *адамны* „человека“» (В. И. Филоненко, Грамматика балкарского языка, Нальчик, 1940, стр. 38).

¹⁶ См., например: Н. А. Баскаков, Тюркские языки, М., 1960, стр. 118.

¹⁷ Например: там же, стр. 151, 153, 169, 217. См.: А. Н. Конопов, Грамматика современного узбекского литературного языка, М.—Л., 1960, стр. 91; ЯН СССР, II, стр. 348, ср. также стр. 489.

¹⁸ См.: В. И. Филоненко, указ. соч., стр. 38 — здесь, однако, действию фонетических факторов сразу же ставится существенное ограничение: оказывается, они эффективны только, например, по отношению к *-м* possessивного аффикса и не распространяют своего влияния на *-м* основы. О подобном ограничении не упоминает М. А. Хабичев в своем стремлении подвести морфологическую значимость под фонетическую: «... после конечного гласного слова (разрядка наша. — Г. Б.) вин. падеж имеет аффикс *-нэ*, хотя, как явствует из авторских примеров, этот вариант показателя ставится отнюдь не после каждого конечного гласного (ср. *тала-ны* «полю»), а только после гласного, выступающего показателем (или в составе показателя) принадлежности 3-го лица: *иеси-н* «его хозяина» (ЯН СССР, II, стр. 219). См. еще: там же, стр. 189, а также: «Современный казахский язык. Фонетика и морфология», Алма-Ата, 1962, стр. 153.

¹⁹ Д. Г. Тумашева, К вопросу о типах диалектных лексических различий, «VII Региональная конференция по диалектологии тюркских языков (15—17 мая 1973 г.)». Маловские чтения (18 мая 1973 г.). Тезисы, Алма-Ата, 1973, стр. 20.

2. Названные спорные проблемы изучения тюркского склонения требуют прежде всего терминологического упорядочения; в первую очередь это касается широкого и недифференцированного, отнюдь не единообразного употребления словосочетания «тип склонения»²⁰. Развивая идеи Н. К. Дмитриева о типе тюркского склонения как в межъязыковом, классификационном, так и внутриязыковом планах, позволим себе ввести следующие терминологические уточнения.

В области внутриязыковых корреляций «простое склонение», «притяжательное склонение» и местоименное склонение целесообразно считать структурными разновидностями склонения в каждом данном тюркском языке. Тем самым терминологически закрепляется признание грамматической природы этих разновидностей. В целях единообразия условимся называть разновидности склонения «именной парадигмой падежного склонения», «посессивно-именной парадигмой падежного склонения» и «местоименной парадигмой падежного склонения» (сокращенно: именная, посессивно-именная, местоименная парадигмы). В итоге мы оставляем термин «тип склонения» только для классификационной области межъязыковых соотношений, где варианты показателей род., вин. и дат.-напр. падежей с консонантной и вокалической инициалами соответственно служат классификационными дифференциальными признаками.

3. Несмотря на то, что Н. К. Дмитриев обратил внимание тюркологов на важность межъязыкового, классификационного подхода к формальной стороне тюркского склонения, этот подход не получил дальнейшего развития, и практически падежные признаки последовательно почти не использовались в классификациях тюркских языков²¹. Как известно, система тюркских падежей обсуждалась неоднократно и с различных точек зрения — формантно-материальной, эволюционной, функционально-содержательной. В настоящее время становится особенно актуальным подход, контурно намеченный в свое время Н. К. Дмитриевым и пока еще не привлекавший внимания исследователей, а именно — синхронное системно-классификационное сравнение склонения в тюркских языках. Дальнейшие исследования в этом направлении целесообразно вести, исходя из четкого разграничения парадигматического и функционального анализа падежной системы, которое было предложено и разработано еще О. Н. Бётлингом. Парадигматический анализ тюркского склонения в плане синхронии производится ниже при последовательном учете грамматической обусловленности вариантов падежных показателей, а следовательно — при строгом учете различных соотношений трех структурных разновидностей склонения, как они реально представлены в каждом из современных тюркских языков, ибо сугубо фонетическое или грамматическое содержание варианта падежного показателя зависит от его места

²⁰ Результатом этого явилось то, что наиболее осторожные исследователи избегают применять названный неопределенный термин, особенно в его внутриязыковом значении, и вместо того, чтобы выделять склонения (или их «типы», по нашей терминологии — разновидности), как это делалось раньше, подразделяют падежные аффиксы на две группы (ЯН СССР, II, стр. 510).

²¹ Исключение представляет, пожалуй, только книга Н. А. Баскакова «Тюркские языки». Однако и здесь, например, «фонетически редуцированный формант напр. падежа в позиции после согласного» упоминается только для именной парадигмы языков огузской группы (стр. 118), между тем как формант того же падежа в языках других групп вообще не прослеживается. Более последовательно учитываются форманты род. и вин. падежей именной парадигмы (см. например: стр. 118, 143, 150, 151, 153), в отдельных случаях — вин. падеж посессивно-именной парадигмы (стр. 217) или род. падеж местоименной парадигмы (стр. 169). Даже и наиболее последовательно привлекаемые признаки (род., вин. падежи именной парадигмы) выявляются далеко не по всем языкам.

в системе склонения данного языка, т. е. в конечном счете от структуры этой системы (принцип грамматической обусловленности). Поскольку структура падежного склонения не идентична в различных тюркских языках и соответственно не идентичны соотношения трех падежных парадигм, то и содержание вариантов падежных показателей — сугубо фонетическое или же грамматическое — оказывается различным в зависимости от языка, а в ряде случаев — и от диалектов²².

Стремясь осуществить подобный подход и придерживаясь методического приема, предполагающего описание языковой категории «путем регистрации соотношений между единицами, независимо от таких особенностей, которые, может быть, и представлены ими, но безразличны для указанных соотношений или невыводимы из них»²³, мы, прежде всего, отграничили от многообразия чисто фонетических феноменов (которые при падежном склонении обуславливаются действием сингармонизма, ассимиляции и диссимилиации, выпадения звука и других фонетических факторов) круг тех явлений, которые оказываются регулярно связанными с корреляцией консонантного начала падежных формантов. Именно этот тип корреляции, в ряде языков пронизывая значительные участки падежной парадигмы, активно на нее воздействует, будучи сопряжен в своих проявлениях с другими членами парадигмы, и поэтому рассматривается нами как особый класс знаменательных различий²⁴ между именной и посессивно-именной парадигмами падежного склонения.

В основу предлагаемого системно-классификационного рассмотрения тюркского склонения²⁵ был положен критерий внутриязыковых соотношений именной и посессивно-именной парадигм; в ряде тюркских языков эти соотношения базируются на корреляции консонантного начала падежных формантов. Если применять к репертуару падежных показателей и их вариантов сформулированное в фонологии понятие коррелятивного ряда²⁶, то маркированным коррелятивным рядом окажется совокупность падежных формантов с обязательным наличием консонантного начала в них — род. *-ниц/ -нин* (1), вин. *-ни* (2) и дат.-напр. *-га* (3)²⁷. Соответственно немаркированным коррелятивным рядом будет совокупность падежных формантов с вокалическим началом (иными словами: отсутствием инициального согласного в них) — род. *-иц/ -ин* (1), вин. *-и/ -(j)и* (2) и дат.-напр. *-а/ -(j)а* (3).

²² Ср.: Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 80, 82.

²³ Л. Иельмслев, Методы тюркского анализа в лингвистике, AL, VI, fasc. 2—3, Copenhagen, 1950—1951, стр. 57.

²⁴ Ср.: R. Jakobson, S. Karcevskij, N. S. Troubetzkoy, Propositions, «Actes du I-er Congrès international de linguistique à La Haye, avril 1928», Leiden, [б. г.], стр. 33.

²⁵ В качестве материала были использованы соответствующие разделы научных грамматик тюркских литературных языков, а также сведения, сосредоточенные в кн.: ЯН СССР, II. Вопрос о введении в предлагаемую классификационную систему чувашского склонения осложняется тем, что его специфичность представляет собой закономерный результат особенности исторической эволюции чувашского языка. В принципе, конечно, этот вопрос может быть решен. В данной статье нам было важно выявить опорную схему классификации тюркского склонения, не претендуя, естественно, на сколько-нибудь исчерпывающий охват всех тюркских языков (и тем более — диалектов).

²⁶ Как известно, в фонологии коррелятивный ряд определяется как «ряд коррелятивных фонологических единиц, характеризующихся наличием или, напротив, отсутствием одного и того же признака корреляции» (И. В. Ахек, Лингвистический словарь Пражской школы, М., 1964, стр. 186, см. также стр. 92 и сл.).

²⁷ В своем анализе мы по традиции ограничились привлечением род., вин. и дат.-напр. падежей, исходя из общепризнанного положения о том, что местный и исходный падежи в формальном отношении «в сущности единообразны и общи всем тюркским языкам» (Э. В. Севортян, указ. соч., стр. 46).

Форманты каждого из падежей, принадлежащие тому или другому ряду, составят коррелятивную пару: (1) *-ниң/-нин* — *-иң/-ин*, (2) *-ни* — *-и* /-(*ј*)и, (3) *-га* — *-а*/-(*ј*)а; каждый член любой из этих пар представляет собой коррелятивную единицу (коррелятив). С учетом специфики посессивно-именной парадигмы в ряде тюркских языков к трем названным коррелятивным парам добавляется четвертая, гетерогенная, в которой противопоставление основано на признаке наличия или отсутствия интерфикса *-н*- в формах локативных (дат.-напр., местн., исх.) падежей имен, снабженных аффиксом принадлежности 3-го лица (4)²⁸. В посессивно-именной парадигме ряда языков признак (4) оказывается тесно и регулярно связанным с тремя названными, составляя вместе с ними взаимообусловленную систему, отражающую перекрещивание категорий падежа и принадлежности.

Использование принятого критерия внутриязыковых соотношений именной и посессивно-именной парадигм при определении того или иного классификационного типа падежного склонения и последующем ограничении одного типа от другого показало, что этот критерий необходимо дополнить еще одним, более частным, вытекающим из неодинаковости результатов перекрещивания категорий падежа и принадлежности по языкам, а именно принципом выводимости — невыводимости посессивно-именной парадигмы из именной. Применение этого принципа основано на учете своего рода двойственного характера посессивно-именной парадигмы: с одной стороны, склонение имен, осложненных посессивными показателями, нельзя совершенно ограничивать от именного склонения в целом; с другой стороны, в ряде случаев посессивно-именная парадигма является своеобразным промежуточным звеном между именной и местоименной²⁹.

Применение избранной методики обусловило целесообразность выделения не двух классификационных типов склонения, как это делалось традиционно, а трех таких типов. Два из них вслед за Э. В. Севортьяном, Э. Р. Тенишевым и другими исследователями назовем огузским (по Н. К. Дмитриеву, «южный», или «южнотюркский») и кыпчакским («северный», или «севернотюркский»), третий будем условно именовать узбекско-уйгурским.

4. **Узбекско-уйгурский тип** склонения (языки узбекский и новоуйгурский) имеет единую парадигму для «чистых» имен, для имен, снабженных посессивными показателями, и для местоимений³⁰: эта единая парадигма представлена только маркированным коррелятивным рядом падежных формантов, при полном отсутствии немаркированного их ряда. Иными словами, падежные форманты с консонантным началом используют

²⁸ Для наших целей удобнее считать интерфикс *-н*- входящим в состав падежного показателя, а не показателя принадлежности, как полагал Н. К. Дмитриев (см., например: ГБЯ, стр. 65) и полагают многие его последователи. Определение интерфикса как строевого средства языка, функция которого состоит в соединении морфем в слове, см.: Б. А. Земская, Интерфиксация в современном русском словообразовании, сб. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка», М., 1964, стр. 41 и 42.

²⁹ Местоименная парадигма не во всех тюркских языках выделяется одинаково четко и по-разному соотносится с двумя другими парадигмами, что проследить во всех подробностях в журнальной статье не представляется возможным. Местоименное склонение обстоятельно описано в работе: Ф. Г. Исхаков, Местоимения, ИСГТЯ, ч. 2 (далее — М), стр. 215—231, 252—261.

³⁰ Формы род. падежа местоимений 1—3-го лиц ед. числа различными исследователями разлагаются на составные элементы по-разному (например: ГКЯ, стр. 77). Для нас наиболее приемлемо разбиение типа *ме*+*-нинг*, *се*+*-ни*, *у(л)*+*-нинг* (А. Н. Конов, Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 174), как и воззрение, в соответствии с которым узбекское лично-указательное местоимение *у* «в дат., местн. и исх. п. имеет форму *ун*: *ун*+*-га*, *ун*+*-да*, *ун*+*-дан*...» (там же).

ся, например в узбекском литературном языке, в любых фонетических условиях³¹ — (1) род. *-нинг*, (2) вин. *-ни*, (3) дат.-напр. *-га*. Интерфикс *-н-* в локативных падежах имен, снабженных аффиксом 3-го лица, как коррелятивный признак посессивно-именной парадигмы представлен нулем: он отсутствует (4). Таким образом, именная и посессивно-именная парадигмы в узбекском практически не различаются, и последняя целиком выводима из именной парадигмы.

В новоуйгурском языке, как и в узбекском, посессивно-именная парадигма целиком выводима из именной. Единая падежная парадигма также представлена только маркированным коррелятивным рядом формантов: (1) род. *-ниң*, (2) вин. *-ни*, (3) дат.-напр. *-га*. Интерфикс *-н-* в дат.-напр., местн. и исх. падежах имен, снабженных аффиксом 3-го лица, отсутствует и здесь (нулевой коррелятивный признак — 4).

Структурные отличия характерны для новоуйгурской местоименной парадигмы — «литературной нормой является присоединение аффиксов пространственных падежей (местн. и исх. — Г. Б.) к форме род. падежа» личных местоимений ед. числа (хотя возможно и присоединение аффиксов этих падежей непосредственно к местоименной основе): *мениңдә, сениңдин, униңда*, а также *униңға*³². Итак, несколько менее отчетливо, чем в узбекском, монолитность трех парадигм представлена в новоуйгурском.

Тем не менее, основной чертой узбекско-уйгурского типа склонения в его стандартизованном виде следует признать строгую выдержанность и выводимость посессивно-именной парадигмы из именной.

5. Огузский тип падежного склонения (языки турецкий, азербайджанский, гагаузский, туркменский) характеризуется различием трех парадигм падежного склонения — именной, посессивно-именной и местоименной. В строгой зависимости от фонетических условий здесь почти полностью (отчасти исключение составляет только формант дат.-напр. падежа) представлены оба коррелятивных ряда падежных аффиксов — маркированный и немаркированный³³. Иначе говоря, варианты показателей род. и вин. падежей здесь фонетически обусловлены: они дифференцированы «внешним образом соответственно конечному звуку основы: после согласных окончание является без начальной *н*, а после гласных — с начальным *н*», причем в вин. падеже «турецкий язык для положения после гласных образовал новое окончание *-jы/-ji...*» (ВТЯ, стр. 151, 155). Важно подчеркнуть, что названная вариантность в «огузских» языках, имея чисто фонетический характер, охватывает все три парадигмы и тем самым обеспечивает единообразность огузского типа склонения в целом и почти полную выводимость посессивно-именной парадигмы из именной (имена, снабженные показателями принадлежности 1 и 2-го лица ед. и мн. числа, склоняются по образцу имен с конечной согласной).

Коррелятивные признаки именной и посессивно-именной (для имен с показателем принадлежности 1 и 2-го лица ед. и мн. числа) парадигм: (1) род. падеж турецк., азерб., гагауз. *-ын* и туркм. *-ың* для имен с конечной согласной, соответственно *-нын* и *-ның* для имен с конечной гласной;

³¹ В ЯН СССР, II (стр. 345) это свойство узбекского склонения передается так: «Склонение в узбекском языке одно... Аффиксы одновариантны, т. е. их фонетический состав не зависит от основы слова». Ср., однако: А. Н. Кононов, указ. соч., стр. 91—92.

³² Э. Н. Наджип, Современный уйгурский язык, М., 1960, стр. 77.

³³ В иных терминах это явление отмечал Н. К. Дмитриев (ГБЯ, стр. 64). По Э. В. Севортяну (указ. соч., стр. 47—48), получится несколько иное распределение.

(2) вин. падеж *-ы* во всех этих языках для имен с конечной согласной и азерб., туркм. *-ны*, турецк., гагауз. *-йы* для имен с конечной гласной; (3) дат. напр. падеж *-а* во всех этих языках для имен с конечной согласной и турецк., гагауз., азерб. *-ја*, туркм. *-а:* для имен с конечной гласной. Отличия посессивно-именной парадигмы от именной сосредоточены в склонении имен, имеющих при себе показатели 3-го лица обоих чисел: дат.-напр., местн. и исх. падежи получают интерфикс *-н-*: *-н-а*, *-н-да*, *-н-дан* (4). Род. и вин. падежи для этого случая в соответствии с правилом именной парадигмы для имен с конечной гласной получают показатели *-нын/ /-нын* и *-ны/-йы*.

Местоименная парадигма выделяется специфическими формами (1) род. падежа местоимений 1-го лица ед. и мн. числа в турецком и гагаузском (*benim, bizim*), азербайджанском (*мэним, бизим*), (3) дат.-напр. падежа местоимений 1 и 2-го лица ед. числа — турецк. и гагауз. *bana, sana* (при склоняемой основе *ben-, sen-*), туркм. *маңа, саңа* (при склоняемой основе *мен-, сен-*). По словам Ф. Г. Исхакова, для местоимений в турецком, азербайджанском, а также гагаузском характерен «выдержанный южный тип склонения», который для туркменских местоимений «нарушается в дат. падеже ед. ч.» (туркм. *маңа, саңа* вместо азерб. *мэңэ, сәңэ*, турецк. и гагауз. *bana, sana* — см.: М., стр. 215, 216, 218).

Таким образом, по признаку выводимости — невыводимости посессивно-именной парадигмы из именной огузский тип склонения в целом можно признать единообразным и выдержанным. Посессивно-именная парадигма в принципе выводима из именной и отличается от последней лишь одним коррелятивным признаком — наличием интерфикса *-н-* в дат.-напр., местн. и исх. падежах имен, осложненных посессивным показателем 3-го лица (4).

С точки зрения формантно-материальной — по набору вариантов обслеваемых падежных показателей (один или два коррелятивных ряда их) — огузский тип склонения можно, таким образом, считать полярно противоположным (в классификационном смысле) узбекско-уйгурскому типу: в узбекском склонении форманты род., вин. и дат.-напр. падежей, в принципе одновариантные и в изучаемом плане не зависящие от фонетического состава склоняемого имени, могут иметь только консонантное начало (т. е. имеется только один — маркированный коррелятивный ряд падежных аффиксов); в огузском склонении, напротив, фонетическая вариантность указанных падежных показателей обуславливается фонетическим строением склоняемого имени, и на равных правах с вариантами, имеющими консонантное начало, здесь представлены фонетические варианты с гласным в анлауте (т. е. представлены с наибольшей полнотой оба коррелятивных ряда — маркированный и немаркированный).

В то же самое время огузский и узбекско-уйгурский типы падежного склонения оказываются близки с точки зрения выводимости их посессивно-именных парадигм из соответствующих именных. Правда, для огузского типа использование критерия выводимости — невыводимости дает отрицательный результат применительно к той части посессивной парадигмы, которая охватывает имена с аффиксами принадлежности 3-го лица (4), — тем самым на принцип структурной выводимости в огузском типе склонения налагаются известные ограничения (в противоположность узбекско-уйгурскому типу, который должен быть признан единообразным без каких-либо оговорок). Эти ограничения весьма заметны также в огузском местоименном склонении, хотя и проявляются не совсем одинаково по

разным языкам: в турецком, азербайджанском, гагаузском ими охвачены по два коррелятивных признака — (1) и (3), в туркменском — один (3).

6. Кыпчакский тип падежного склонения охватывает наибольшее количество тюркских языков; соответственно многообразными оказываются градации этого типа по языкам и языковым подгруппам. Кыпчакскому типу, как и огузскому, свойственно наличие обоих коррелятивных рядов падежных аффиксов — маркированного и немаркированного. Однако если в огузском типе дистрибуция аффиксов из соответствующих коррелятивных пар осуществляется строго по фонетическому признаку, то в кыпчакском типе подобное распределение, прежде всего, грамматически обусловлено: маркированный коррелятивный ряд в целом характеризует именную парадигму, немаркированный — значительную часть посессивно-именной парадигмы. Таким образом, в кыпчакском типе каждый из падежных коррелятивов, входящих в одну коррелятивную пару, как правило, обладает морфологической значимостью и выступает в качестве морфологического варианта.

В большинстве кыпчакских языков — татарском, башкирском, кумыкском, карачаево-балкарском, крымско-татарском, караимском, ногайском, каракалпакском, казахском, а также в некоторых кыпчакизованных — чулымско-тюркском, киргизском, алтайском — именная парадигма единообразна в использовании падежных формантов, принадлежащих только маркированному ряду. Таковы (1) род. падеж татар., башк., ккалп., алт. *-нынъ*, караим., кирг. *-нын*, крым.-татар. *-нынъ*, чулым.-тюрк. *-нынг*, казах. *-дынъ*, ногайск. *-дынъ*, кумык., карач.-балк. *-ны*; (2) вин. падеж *-ны* для всех этих языков, кроме казах. и ногайск. *-ды*; (3) дат.-напр. падеж татар., ногайск., кирг., алт. *-га*, башк., казах., ккалп., караим. *-га*, кумык., карач.-балк., крым.-татар. *-гъа*, чулым.-тюрк. *-га*.

В отдельных языках, в настоящее время в целом тяготеющих к кыпчакскому типу склонения, — тувинском, шорском, хакасском, саларском, якутском³⁴ — именная парадигма обнаруживает известные нарушения своей единообразности. Проявляется это неодинаковым образом по разным языкам. При общей закреплённости маркированного ряда падежных формантов за именной парадигмой в тувинском, шорском, хакасском, саларском дат.-напр. падеж представлен здесь на свой собственный, особый манер обоими членами коррелятивной пары *-га* — *-а*³⁵, которыми обычно характеризуются именные парадигмы разных типов склонения — кыпчакского и узбекско-уйгурского (*-га*), с одной стороны, и огузского (*-а* — *-га*), с другой. При этом каждый из коррелятивов используется здесь в зависимости от фонетического строения склоняемого слова³⁶. Таким образом, коррелятивы *-га* — *-а* именно в данном использовании внутри именной парадигмы являются фонетическими вариантами.

В якутском, за именной парадигмой которого также в целом закреплён маркированный ряд падежных формантов, вин. падеж, как и в огузском типе склонения, представлен коррелятивной парой *-ы* — *-ны*, причём каждый из названных коррелятивов используется в строгом соответствии

³⁴ Е. И. Убрятова, любезно поделившаяся своими воззрениями в личном письме к автору, полагает, что якутский, во многом очень близкий древнетюркским языкам, в ряде отношений является «более огузским, чем южные огузские языки». По всей вероятности, более поздние «смещения», произошедшие в якутских падежных парадигмах, определили известное тяготение их к кыпчакскому типу склонения.

³⁵ Э. Р. Тенишев, например, подчеркивает, что «... в саларском дательном падеже сплелись два типа тюркского склонения: огузский, или южный, и кыпчакский, или северный» (Э. Р. Тенишев, Саларский язык, М., 1963, стр. 21).

³⁶ См.: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах, Грамматика тувинского языка, М., 1961 (ГТЯ), стр. 129; ЯН СССР, II, примеч. к стр. 470, 432; Э. Р. Тенишев, указ. соч., стр. 21; е го же, Строй саларского языка. АДД, М., 1969, стр. 42.

с фонетическим составом склоняемого слова (ЯН СССР, II, стр. 409) и таким образом оба являются фонетическими вариантами.

Таким образом, в именной парадигме тувинского, шорского, хакасского, саларского языков, как и якутского, оказалась представлена контаминация огузского и кыпчакского типов склонения. В еще большей мере смешение двух типов склонения наблюдается в посессивно-именной парадигме этих языков (см. ниже).

Переходя к описанию кыпчакской посессивно-именной парадигмы, отметим прежде всего, что в ней наличествует специфическая примета этой парадигмы, присущая также огузской посессивно-именной парадигме, — интерфикс *-н-* в падежных словоформах, имеющих в своем составе показатель принадлежности 3-го лица (4)³⁷. Известным исключением является только соответствующая часть якутской посессивной парадигмы, где интерфикс *-н-* в падежных формах имен с аффиксами принадлежности 3-го лица практически отсутствует, однако, как пишет Е. И. Убрятова, в указанных падежно-посессивных словоформах «начальный согласный аффиксов частного падежа (*-та*), совместного (*-лыын*) и сравнительного (*-таа-вар*) перешел в *н* (*-на*, *-нынн*, *-наавар*), по-видимому, под его (интерфикса *-н-*. — Г. Б.) влиянием»³⁸.

Другим, не менее специфическим признаком этой части кыпчакской посессивно-именной парадигмы является особый («усеченный», но тем не менее принадлежащий маркированному коррелятивному ряду) показатель вин. падежа *-н* (2) имен, имеющих при себе аффикс принадлежности 3-го лица. Присущая посессивно-именной парадигме всех кыпчакских и кыпчакизованных языков, эта черта имеет, однако, ограничение факкультативного характера в крымско-татарском языке, где наряду с более часто употребляющимся формантом вин. падежа *-н* имена, снабженные аффиксом принадлежности 3-го лица, могут иметь также и обычный формант этого падежа *-ни* (ЯН СССР, II, стр. 240). В якутском, напротив, наблюдается гиперизм этой черты: использование форманта вин. падежа *-(ы)н* не ограничилось лишь склонением имен, снабженных аффиксом принадлежности 3-го лица, но распространилось на всю посессивно-именную парадигму в целом (например: *аппытын* «нашего коня»), а также на часть местоименной (*миигин* «меня», *эйигин* «тебя», но *биһигини* «нас», *эһигини* «вас» — ЯН СССР, II, стр. 409, 412).

Дат.-напр. падеж в той части посессивно-именной парадигмы, которая охватывает склонение имен, снабженных аффиксом принадлежности 3-го лица, почти во всех названных языках имеет формант из немаркированного ряда — *-а* (3), который оказывается парадигматически сопряженным с другим коррелятивом — интерфиксом *-н-*; таким образом, *-а* здесь следует рассматривать как морфологический вариант. Отклонения от этого правила наблюдаются в тувинском и шорском: в тувинском после интерфикса *-н-* (4) следует показатель дат.-напр. падежа *-га* (3) (ГТЯ, стр. 123, 125, стр. 129), иначе говоря, контаминировались черты огузского (4) и узбекско-уйгурского (3) типов склонения; в шорском употребляются параллельно *-н-а/-н-га* (ЯН СССР, II, стр. 471).

³⁷ В казахском, киргизском, хакасском, шорском, алтайском языках наличие интерфикса *-н-* в иск. падеже имен, имеющих при себе аффикс принадлежности 3-го лица, замаскировано упрощением геминированного консонантного сочетания *-н-нан* (<*-н-дан*> казах., кирг. *-нан*, хакас. *-нань*, шорск. *-нан*, алт. *-нан*. Ср. татар., ногайск., ккалп. *-н-нан*).

³⁸ Из личного письма Е. И. Убрятовой к автору. Пользуемся случаем выразить искреннюю признательность Е. И. Убрятовой, Э. В. Севортяну, Э. Р. Тенишеву, Н. А. Баскакову, ознакомившимся со статьей в рукописи и высказавшим ценные замечания по ряду затронутых в ней вопросов.

Таким образом, даже наиболее выражено тяготеющая к огузскому образцу часть посессивно-именной парадигмы (склонение имен с аффиксом 3-го лица) обнаруживает заметное смешение черт огузского и кыпчакского — узбекско-уйгурского типов склонения. Огузскими (т. е. невыводимыми из кыпчакской именной парадигмы) здесь являются признаки: наличие интерфикса *-н-* (4) и формант. дат.-напр. падежа *-а* (3) (дополнительное смешение, касающееся этих двух признаков, демонстрируют тувинский и шорский языки, где контаминировались огузский *-н-* и кыпчакский *-га*). На фоне огузской специфики в качестве кыпчакского вкрапления (в плане синхронии) воспринимается формант вин. падежа *-н* (2).

Остальные две части кыпчакской посессивно-именной парадигмы — склонение имен, снабженных показателем принадлежности 1 и 2-го лица ед. числа, и склонение имен с показателями 1 и 2-го лица мн. числа — обнаруживают неодинаковые соотношения по языкам.

Склонение имен с аффиксами принадлежности 1 и 2-го лица мн. числа во всех кыпчакских языках, как правило, совершенно совпадает с именной парадигмой, характеризуясь тем же самым маркированным коррелятивным рядом падежных формантов: (1) род. *-нын, -нын, -дын, -дын*, (2) вин. *-ны, -ды*, (3) дат.-напр. *-а, -га*³⁹. В тувинском и шорском в обеих названных частях посессивно-именной парадигмы (т. е. при показателях принадлежности 1 и 2-го лица как мн., так и ед. числа) по образцу именной используются форманты маркированного ряда (ГТЯ, стр. 143—144; ЯН СССР, II, стр. 471), иначе говоря, обе эти части посессивно-именной парадигмы вполне выводимы из именной. В условиях такого предельного для кыпчакского типа склонения выравнивания (по образцу именной парадигмы) двух частей посессивно-именной парадигмы специфика последней сосредоточилась в склонении имен, снабженных аффиксом 3-го лица. В языке барабинских татар и в алтайском наметившаяся тенденция к подобному выравниванию обнаруживается в наличии параллельно употребляемых формантов дат.-напр. падежа *-га/-а, -га/-а* после аффиксов принадлежности 1 и 2-го лица ед. числа — оба эти члена коррелятивной пары, естественно, здесь являются фонетическими вариантами.

В подавляющем большинстве кыпчакских и в некоторых кыпчакизованных языках склонение имен с аффиксами принадлежности 1 и 2-го лица ед. числа выделяется преимущественно одним признаком, чаще всего это (3). Дат.-напр. падеж после показателей принадлежности 1 и 2-го лица ед. числа имеет формант немаркированного ряда *-а* в татарском, башкирском, кумыкском, карачаево-балкарском, крымско-татарском, караимском, ногайском, каракалпакском, казахском (в последнем еще и после показателя 2-го лица простого мн. числа *-лар-ың + -а*), киргизском, хакасском. В отдельных языках эта часть посессивно-именной парадигмы дополнительно выделяется и еще одним признаком. В кумыкском и кара-

³⁹ К сожалению, далеко не все современные научные грамматики и компендиумы дают исчерпывающие сведения о всех разновидностях падежного склонения в описываемом языке. Иногда неполнота сведений оборачивается прямой противоречивостью, дезориентирующей читателя. Так, в «Таблице падежных аффиксов притяжательного склонения (Единственное и множественное число)» для дат.-напр. падежа приведен лишь один формант *-а/-е* («Современный казахский язык», стр. 159), между тем, в ЯН СССР, II (стр. 324), в числе особенностей, которыми «притяжательное местоимение отличается от простого», указано только: «аффикс дат. падежа после аффикса принадлежности 1-го и 2-го лица единственного числа имеет форму *-а/-е* (разрядка в обоих случаях наша. — Г. Б.). Подробно см. в кн.: S. A. M a n c o l o v, Qazaq tılınjı grammatikası, 1 — Morfologia, Alma-Ata, 1939, стр. 52: *-а* в словоформе с аффиксом принадлежности 2-го лица простого мн. числа (*kıtar-tarǵa* «вашей книге») и *-а* после аффикса принадлежности 2-го лица ед. и в 2-го мн. числа (*kıtar-tarǵız-a*).

чаево-балкарском это признак (1—2): род.-вин. падеж в этих языках после аффиксов принадлежности 1 и 2-го лица ед. числа также имеет немаркированный формант *-ы*, в то время как в большинстве кыпчакских языков род. и вин. падежи для этой части посессивно-именной парадигмы имеют маркированные аффиксы, как и при склонении имен с аффиксами принадлежности 1 и 2-го лица мн. числа.

Таким образом, кыпчакская посессивно-именная парадигма воплощает в себе по различным языкам разные меры и способы смешения двух типов склонения. Так, все четыре признака посессивно-именной парадигмы, привлекаемых к изучению, в кумыкском и карачаево-балкарском языках являются чуждыми их именной парадигме и, напротив, легко объяснимыми с точки зрения огузского типа склонения. В большей части кыпчакских и кыпчакизованных языков такими инородными являются по два признака, сосредоточенных в склонении имен с аффиксами 1—2-го лица ед. числа [дат. *-а* (3)] и 3-го лица [дат. *-а* (3) и наличие интерфикса *-н-* (4)]. В тувинском и шорском, отчасти — в языке барабинских татар отличия посессивно-именной парадигмы от именной замкнулись в склонении имен с аффиксами 3-го лица.

Так или иначе, кыпчакская посессивно-именная парадигма в большей или меньшей степени оказывается не выводимой из именной парадигмы того же типа склонения (в иных терминах — см. ВТЯ, стр. 149). С соответствующими показателями именной парадигмы не согласуются немаркированные форманты дат.-напр. падежа для имен с посессивными аффиксами 1 и 2-го лица ед. числа и тот же формант, осложненный интерфиксом *-н-*, — *-на* для имен с аффиксом 3-го лица в большинстве кыпчакских языков, а также немаркированный формант род.-вин. падежа *-ы* для имен с аффиксами 1 и 2-го лица ед. числа в кумыкском и карачаево-балкарском. Эти черты кыпчакской посессивно-именной парадигмы, равно как и наличие интерфикса *-н-* в локативных падежах имен, снабженных аффиксом 3-го лица, явным образом не только перекликаются с огузским типом склонения, но и в известной мере «выводимы» из него с точки зрения синхронии.

Большим «смещением» в сторону кыпчакского типа склонения характеризуется якутская посессивно-именная парадигма. Здесь наблюдается даже своеобразный гиперизм кыпчакских (в плане синхронии) черт: на всю посессивно-именную парадигму распространились: (2) формант вин. падежа *-(ы)н*, в кыпчакских языках составляющий только примету имен с аффиксом 3-го лица, и (3) формант дат.-напр. падежа *-бар*, в отдельных кыпчакских языках используемый только в склонении единичных местоимений — личных или указательных, иногда возвратного (см. ниже). Показательно, однако, что видимый гиперизм кыпчакских черт в якутской посессивно-именной парадигме не обеспечивает тем не менее ее полной выводимости из именной парадигмы.

Как подчеркивал еще Ф. Г. Исхаков, у местоимений большинства кыпчакских и кыпчакизованных языков (кумыкского, татарского, башкирского, казахского, киргизского; хакасского, алтайского, шорского, тувинского) «тип склонения — смешанный (южно-северный)», т. е. «местоимения мн. ч. склоняются по северному типу склонения, ... а местоимения ед. ч. — в основном по южному типу...» (М., стр. 220, 229; см. также стр. 222, 223, 225, 226, 228). С одной стороны, показательно, что в ногайском род. падеж местоимений 1-го лица ед. и мн. числа представлен специфически огузскими формами *меним*, *бизим*; в татарском подобная форма отмечается только у местоимения 1-го лица ед. числа — *минем*. Не вытекающей из позиционных фонетических правил каракалпакского языка представляется форма род. падежа местоимений 1 и 2-го лиц мн. ч. *биз-иц* «наш»,

сиз-иң «ваш» — с формантом немаркированного ряда, как в огузском типе склонения (ср. более закономерную с точки зрения каракалпакской фонетики форму род. падежа местоимения 3-го лица мн. числа *олар-дың* — с формантом маркированного ряда).

С другой стороны, в остальных языках в склонении разрозненных местоимений — реже личных и возвратных, чаще указательных или лично-указательных — дат.-напр. падеж имеет архаический показатель *-гар, -ар* (с вариантами). Например: караимск. *анар* «ему, тому», кумык. *огъар* «ему, тому», *бугъар* «этому», *шугъар/шогъар* «этому, тому» и *объуьгер/объуьне* «ему, самому», татар. диалектн. *аңгар-га* «ему, тому», *миңэргэ* «мне», *сиңэргэ* «тебе», башк. диалектн. *аңарға*. Ср. казах. *маған, саған, оған* и ккалп. *уған, буған, соған*.

Итак, отсутствие полной согласуемости посессивно-именной парадигмы с именной парадигмой в кыпчакском типе склонения, а также выводимость этой посессивной парадигмы в одной ее части из именной парадигмы кыпчакского (а также узбекско-уйгурского) типа, а в другой (несовпадающей по языкам) — из огузского типа склонения позволяет с уверенностью утверждать, развивая мысль В. А. Богородицкого и Н. К. Дмитриева, что кыпчакская посессивно-именная парадигма в плане синхронии имеет смешанный характер. Смешение это в разных языках представлено в самых различных пропорциях — от минимальной [невыводимость посессивно-именной парадигмы из кыпчакской именной по одному признаку (4)] до максимальной (соответствующая невыводимость по всем четырем признакам).

Если учитывать к тому же показания местоименной парадигмы (см.: М, стр. 218 и сл.), то можно говорить о неоднородности кыпчакского типа падежного склонения в целом, причем в отдельных кыпчакизованных языках — тувинском, шорском, хакасском, саларском, якутском — смешение коснулось даже некоторых падежей именной парадигмы. Можно сказать, что кыпчакский тип склонения в целом реализуется в виде разнообразных градаций подобного смешения. С точки зрения формантно-материальной кыпчакский тип склонения в классификационном плане занимает промежуточное место между узбекско-уйгурским и огузским типами: в именной и в одной части посессивно-именной парадигмы он обнаруживает тяготение к узбекско-уйгурскому типу, в остальных частях посессивно-именной парадигмы явным образом примыкает к огузскому типу.

7. Применение принятой здесь методики и, в частности, использование критерия соотношения именной и посессивно-именной падежных парадигм внутри каждого языка, как и принципа выводимости — невыводимости посессивно-именной парадигмы из именной, позволило выделить три (а не традиционных два) классификационных типа тюркского склонения и наметить спецификацию каждого из них. Узбекско-уйгурский и огузский типы склонения, каждый по-своему, являются единообразными, характеризуются последовательным соблюдением принципа выводимости: посессивно-именная парадигма полностью (в первом из них) или почти полностью (во втором) выводима из именной. Третий, кыпчакский тип, охватывающий наибольшее число языков, занимает промежуточное положение между узбекско-уйгурским и огузским типами склонения: его именная парадигма наиболее близка к соответствующей узбекско-уйгурской, а посессивно-именная — к соответствующей огузской. Иными словами, для кыпчакского типа склонения характерно то, что посессивно-именная парадигма не выводима из именной. Таким образом, кыпчакский тип склонения в целом следует определить как неоднородный, смешанный по своему характеру.

Вероятно, более широкий охват материала в плане не только синхронии, но и диахронии, т. е. по возможности полный учет показаний как современных, так и древнетюркских языков и диалектов по всем существующим (и существовавшим) падежам, дал бы картину еще более сложную, нежели представленная здесь.

Тем не менее, без четкого разграничения выделенных трех классификационных типов тюркского склонения, без установления в каждом конкретном случае морфологической или фонетической значимости вариантов падежного показателя, а значит, и без отчетливого представления о том, какие результаты, не одинаковые по языкам, дает перекрещивание категорий падежа и принадлежности⁴⁰, затрудняются любые исследования в области тюркского склонения и оказывается невозможно приступить к следующему этапу изысканий, а именно изучению сложных переплетений трех названных типов склонения на базе исторических и продолжающихся интенсивных контактов среднеазиатско-тюркских языков, диалектов, говоров.

⁴⁰ Плодотворная идея о взаимодействии в тюркском склонении именно этих двух категорий в неявной форме сквозит в трудах В. А. Богородицкого, Е. Д. Поливанова и Н. К. Дмитриева. Постановку «проблемы точной связи между падежами и прочими морфологическими категориями в данном языке» см.: Р. О. Якобсон, Морфологические наблюдения над славянским склонением, 's-Gravenhage, 1958, стр. 24.